

К ВОПРОСУ О ПАРАДОКСАХ ВОСПРИЯТИЯ ТВОРЧЕСТВА МАРСЕЛЯ ПРУСТА В РОССИИ

Бубенцова Елена Ивановна

доцент кафедры литературы и межкультурных коммуникаций учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»; кандидат филологических наук, доцент
(г. Могилев, Беларусь)

Каждым большим писателем, ставшим классиком мировой литературы, пройден свой путь к славе и известности. Не всем удастся сразу завоевать расположение читателя и критики, и далеко не всегда слава сопутствует писателю всю жизнь, как, например, в случае с Чарльзом Диккенсом. Гораздо чаще на пути к известности писатель встречает множество преград, и лишь долгожданное признание, получение статуса классика как бы накладывает табу на его персону, освобождая его, наконец, и от предвзятого отношения читателя и от бесконечных нападок критиков.

Так было почти всегда, вплоть до насыщенного противоречиями XX века, пошатнувшего привычные устои и традиции, сделавшего в середине столетия эпицентром новых споров и дискуссий творчество, по определению А. Ахматовой, «трех китов», на которых «ныне покоится XX век» («Амедео Модильяни») – Джойса, Кафки и Пруста. В процессе этих дискуссий не только открывались новые грани талантов именитых писателей, но и делались попытки как безоговорочного восхваления великих мастеров слова, порождающего в читательском сознании моду на кумиров, так и их ниспровержения. К концу двадцатого столетия споры о творчестве Джойса и Кафки несколько поутихли, а вот вокруг Пруста и в Европе и в США возникла ситуация очередного «бума», поднялась новая волна «прустомании» («моды» на Пруста), в немалой степени предопределенная повышенным интересом современного читателя к эпохе рубежа XIX–XX веков.

Вновь вспыхнувший интерес к Прусту породил (как в России, так и во Франции) и множество парадоксов читательского восприятия его творчества, что стало, по сути, продолжением давней традиции «одновременного приятия и неприятия» творчества и личности писателя.

Немало обусловленная образом жизни ныне общепризнанного мэтра не только французской, но и мировой литературы, атмосфера одновременного «приятия и неприятия», возникла вокруг единственного, но достаточно объемного (7 книг) знаменитого романа писателя «В поисках утраченного времени» сразу же после появления в печати его первой части – «В сторону Свана» (1913 г.), опубликованной Прустом на собственные средства спустя два года после его завершения.

Во Франции, где Пруст снискал признание только в 1918 г., когда второй том романа «Под сенью девушек в тени» был удостоен Гонкуровской премии, появление в печати первого тома романа было встречено довольно сдержанно, хотя и отнюдь не однозначно. К чести французских писателей и критиков они все же сумели удержаться в рамках корректности в дискуссиях, развернувшихся вокруг Пруста и его детища, о чем свидетельствует ряд серьезных, вдумчивых работ о жизни и творчестве писателя: «Пруст» Клода Мориака, «Марсель Пруст и знаки» Жюль Делеза, «В поисках Марселя Пруста» Андре Моруа и др.

В России же Пруста сначала или старались просто не замечать («массовая» русская критика и критика просимволистская), или высказывались о нем крайне нелестно, называя самого писателя «нестерпимо болтливым» (М. Горький), а его книгу – второй том романа («Под сенью девушек в тени», 1918 г.), удостоенный Гонкуровской премии, – «бормашиной» (А. Белый) [2]. Были и те (деятели ОПОЯЗа), чье внимание Пруст не привлек даже после того, как о нем заговорила русская критика. Парадокс заключался в том, что долгое время обходящая молчанием феномен Пруста «массовая» и просимволистская русская критика немало поспособствовала дальнейшему серьезному размышлению о творчестве французского писателя в русской литературной среде.

В 1923 году, уже после смерти Пруста, в журнале «Литературный еженедельник» появился благожелательный отзыв о творчестве Марселя Пруста Б. А. Кржевского («О современной французской литературе»). Вслед за Б. А. Кржевским, в 1926 году, в «Берлинском письме» высоко отозвался о Прусте А.В. Луначарский, что, правда, не помешало ему уже в «Письмах из Парижа» причислить Пруста к декадентам [3, с. 397]. Однако именно благодаря А. В. Луначарскому, Пруста начали переводить и печатать в России: первый перевод отрывков из романа (М. Рьжкиной) появился уже в 1924 году в журнале «Современный Запад» под названием «Поиски потерянного времени» [5].

И все же первенство в открытии русскому читателю Пруста принадлежит не русской «массовой» критике, а русскому зарубежью. В начале двадцатых годов с промежутком в три года выходят две во многом перекликающиеся статьи – «Зеркальное творчество: Марсель Пруст» Б. Ф. Шлёцера (1921 г.) и «Марсель Пруст» В. В. Вейдле (1924 г.). Одна из них – «Марсель Пруст» (В. В. Вейдле) – привлекла к себе особое внимание «тонким пониманием» (А. Михайлов) художественных достоинств прустовской прозы. В своей статье Вейдле не только представил читателю роман Пруста как «самое значительное явление европейской прозы, символически завершающее литературу XIX века и начинающее литературное XX столетие», но и попытался также разрушить уже сложившийся (благодаря Луначарскому) «стереотип восприятия Пруста как апологета аристократии и сноба» [4, с. 155–162].

Однако и в литературной среде русского зарубежья не всем удалось, подобно М. Цветаевой, «оказаться на высоте понимания ошеломительной новизны прустовской прозы» и читать его «легко, как себя» [1].

Не избежал Пруст (так же, как Джойс или Кафка) и другого парадокса читательского сознания – безоценочной критики. Иными словами, путь к Прусту у каждого был свой, и не только массовый читатель, но и многие русские писатели не сразу приняли Пруста, а то и не приняли вовсе. Так, например, Б. Пастернак, узнал о Прусте еще в 1924 году, но прочесть его роман смог по его собственным словам, «позволить себе» лишь после завершения работы над романом «Доктор Живаго». Спустя много лет (в 1936 году) после выхода в свет первого романа Пруста познакомился с творчеством французского писателя Иван Бунин. Всячески отрицал какую бы то ни было общность с французским писателем Андрей Белый.

Примеров неоднозначного, как и сугубо отрицательного, отношения русской интеллигенции к творчеству М. Пруста можно привести немало. Но важно другое: далеко не во всем и не всегда с Прустом соглашавшиеся, его современники были способны, используя выражение Д. Лихачева, «слушать и слышать», что и позволило им не отказать Прусту в самом главном – в его состоятельности в качестве писателя.

Литература

1. Пруст Марсель. В поисках утраченного времени [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [<https://www.livelib.ru/.../1000763015-v-poiskah-utrachennogo-vremeni-komplekt-iz-7-knig-marsel-prust>], – Дата доступа: 20.01.2017 г.
2. Кушнер, А. Наш Пруст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [Журнальный зал. Наш Пруст. magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/8/kush.html]. – Дата доступа: 15.02. 2016 г.
3. Луначарский, А. В. Собр. соч.: в 8 т. – М., 1964, – Т. 4. – С. 397.
4. Вейдле, В. Марсель Пруст // Современный Запад. – 1924. – Кн. I. – С. 155–162.
5. Михайлов, А. Д. Русская судьба Марселя Пруста // Марсель Пруст в русской литературе: сборник статей / под ред Ю. Г. Фридштейна. – Москва : Рудомино, 2000. – С. 5–41.